

АЛИСА ТЕНЬ

ЭХО
КРОВИ

18+

Алиса Тень

Эхо крови

«Автор»

2025

Тень А.

Эхо крови / А. Тень — «Автор», 2025

В московских тенях мертвые шепчут секреты, и Кира Волкова — единственная, кто может их услышать. Двухлетняя студентка-фольклористка Кира видит призраков — видения, что крадут у нее дни жизни, оставляя на коже следы. В местах, где души не находят покоя, она вызывает их эхо и оставляет подсказки для Бюро, где служил ее отец. Он исчез 7 лет назад. Последнее видение будит мстительного призрака, и Бюро присылает Максима Лескова — загадочного агента с глазами, горящими золотом. Вместе они распутывают цепь самоубийств, связанных с разорванными духовными пактами, постепенно сближаясь. Но Макс скрывает правду о смерти ее отца, раскрывающую, что под городом пробуждается древняя сила, которую Сталин пытался обуздать как оружие. С каждым видением, приближающим ее к краю — к смерти или чему-то худшему, — Кира должна выбрать: спасти Москву от надвигающейся тьмы или вырвать истину из паутины лжи. Ведь эхо не просто убивает — оно меняет ее, превращая в ту, кого Бюро боится больше всего.

© Тень А., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Красная метка	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Алиса Тень

Эхо крови

Красная метка

Кровь брызгает на белый фарфор, словно обвинение.

Я смотрю, как она спиралью стекает в слив, считая секунды до следующей капли. Четыре. Всегда четыре. Мое тело идеально синхронизировано с эхом — моим внутренним метрономом бедствий.

Ванная комната в кафе «Пушкин» так старается выглядеть элегантно с ее золотыми светильниками и композициями из орхидей. Но под дорогой мылом для рук и свежими цветами я чувствую запах: запах старой смерти, который проникает в стены и никогда не улетучивается. Идеально. Именно то, что я искала.

Теперь три капли. Эхо становится сильнее.

Через дверь я слышу, как Антон делает для нас заказ: «Она любит медовый торт, у вас есть такой?» — и что-то сжимается в моей груди. Милый, искренний Антон, который думает, что мои приступы по пятницам — это просто мигрень. Который не знает, что я выбрала его именно потому, что его расписание предсказуемо, его рестораны можно найти в Google, а его пятничные свидания всегда заканчиваются в десять, когда его мама звонит, чтобы проверить, как у него дела.

Я прижимаю ладони к холодному мраморному столу и смотрю на свое отражение в зеркале. Девушка, смотрящая на меня, кажется слишком молодой для своих двадцати двух лет: острые скулы и фиолетовые тени под серыми глазами, которые не были невинными с пятнадцати лет. Мои серебристо-белые волосы отражают свет, как маяк — или предупреждение. Они начали седеть в день смерти отца. Врачи назвали это последствием травмы. Они не знали об эхо.

Они не знали, что это была моя вина.

«Перестань», — шепчу я своему отражению. «Не сегодня».

Сегодняшний вечер не о прошлом. Он о том, что за последние пять лет на этом самом месте умерли три человека. Два самоубийства, один сердечный приступ. Полиция не отслеживает такие закономерности. Но я — да. Потому что когда ты слышишь мертвых, ты учишься картографировать их территории, как осторожный турист в зоне военных действий.

Кровь теперь течет быстрее. Мои руки начинают дрожать.

Время истекло.

Я выхожу из ванной, стараясь задеть плечом дверной косяк — достаточно громко, чтобы привлечь внимание. Лицо Антона за секунду меняется с растерянного на обеспокоенное. Боже, он такой предсказуемый. Это заставляет меня ненавидеть себя еще больше.

— Кира? Ты выглядишь...

— Мне нужен воздух, — задыхаюсь я, и это не совсем притворство. Эхо теперь скребет меня изнутри черепа, отчаянно пытаясь показать мне что-то. — Прости, я просто...

— Ничего, пойдем.

Он бросает на стол наличные — слишком много, он всегда дает слишком большие чаевые, когда нервничает — и выводит меня на улицу, положив руку мне на поясницу. Ноябрь-

ский воздух бьет как пощечина, полный дизельных выхлопов и предвещающий снег. Зима в Москве особенно суровая, такая, что заставляет понять, почему русская литература такая чертовски депрессивная.

Мы на Тверском бульваре, деревья обнажены осенью, их ветви тянутся вверх, как костлявые пальцы. Улица оживлена, как в пятницу вечером, люди спешат в теплые места. Никто на нас не смотрит. В Москве ты учишься не замечать вещей.

«Мне вызвать такси?» Антон колеблется, не зная, что делать. «Или скорую?»

«Нет, я...»

Эхо взрывается.

В одну секунду я стою на тротуаре. В следующую — я в чужой смерти.

Ей семнадцать, может, восемнадцать. Дизайнерское платье, такое, которое стоит больше, чем аренда жилья у большинства людей. Она стоит на крыше кафе «Пушкин», ее каблук Louboutin идеально удерживают равновесие на карнизе. Город раскинулся под ней, как печатная плата, со всеми огнями и связями, которые она никогда не почувствует.

«Ты обещал», — говорит она в пустоту. «Ты сказал, что если я накормлю тебя достаточно печалью, ты заставишь его полюбить меня».

Тьма за ее спиной сдвигается, сгущается. Не совсем человек, не совсем тень. Когда она заговорила, ее голос звучал как осенние листья, раздавленные под ногами.

«Я сдержал свое обещание, малышка. Он любит тебя. Он будет любить тебя вечно. В смерти».

Она не кричит, когда падает. Она смеется.

Я прихожу в себя, лежа на коленях в снегу, где-то вдали слышен панический голос Антона. Но есть еще один голос, ближе, спокойнее, прорезающий белый шум в моей голове.

«Уйди».

Одно слово, но в нем такая власть, что Антон без вопросов отступает назад. Я с усилием открываю глаза и смотрю вверх.

И вверх.

И вверх.

Человек, стоящий надо мной, сложен так, как будто создан для того, чтобы ломать вещи. Рост не менее 190 см, плечи, которые могут нести мир или раздавить его, в зависимости от настроения. Черная тактическая куртка поверх темных джинсов — такая одежда говорит: «Я могу убить тебя шестью способами, но лучше не запачкать кровью свои ботинки». Его лицо было бы красивым, если бы не следы насилия — шрам тянется от левого глаза до челюсти, такой шрам, который заставляет задуматься, выжил ли тот другой парень.

Но именно его глаза заставляют меня застыть на месте. Зеленые, как битое стекло, как тени в лесу, как существа, охотящиеся в темноте.

«Ты истекаешь кровью», — говорит он, и его голос грубый, как водка, с легким оттенком чего-то, что не имеет отношения к Москве. «И передаешь свое местонахождение каждому голодному духу в радиусе трех миль».

Я пытаюсь заговорить, но вместо этого чувствую вкус крови. Моя рука, прикоснувшаяся к носу, становится красной.

«Кто...» — начинает Антон.

Незнакомец даже не смотрит на него. «Уходи».

«Простите? Я никуда не пойду. Кира...»

Мужчина наконец поворачивается к Антону, и в воздухе что-то меняется. Температура падает. Тени сгущаются.

«Уходи», — повторяет он, и на этот раз это не просьба. Это приказ, в котором чувствуется нечто такое, что заставляет волосы на моих руках встать дыбом. «Иди домой. Забудь об этом вечере. Забудь о ней».

Глаза Антона становятся стеклянными. «Я... должен пойти домой».

«Антон, подожди...»

Но он уже уходит, доставая телефон, чтобы вызвать такси, как будто меня и не было.

Я должна быть злая. Должна быть напугана. Вместо этого я очарована. Потому что кто бы ни был этот человек, он только что использовал силу. Настоящую силу. Ту, которую эхо показывало мне в течение семи лет.

«Максим Лесков», — говорит он, с поразительной легкостью поднимая меня на ноги. «Бюро по контролю за духовными явлениями. И ты либо очень глупа, либо очень отчаянна, раз вызываешь видения на публике».

Бюро. Имя, которое я нашла на полях старых тетрадей отца. Организация, которая официально не существует.

«Как ты...»

«Нашел тебя? Да ладно тебе». Он достает что-то похожее на модифицированный телефон, на экране которого мигает красная точка. «Ты светишься на наших датчиках уже три месяца. Каждый раз, когда ты вызываешь свое эхо, мы об этом знаем».

Три месяца. Они наблюдали за мной три месяца.

«Тогда почему подошли ко мне только сейчас?»

Его губы сгибаются в чем-то, что не совсем похоже на улыбку. «Потому что сегодня ночью ты не просто вызвала видение. Ты установила контакт. Дух в том здании? Он ответил тебе».

Мир наклоняется. Я хватаюсь за его руку, чтобы удержаться, и прикосновение прожигает мою куртку. Он горячий, слишком горячий для нормального человека. И пахнет соснами, кожей и чем-то диким.

«Это невозможно», — шепчу я.

«Многие невозможные вещи возможны». Он изучает меня, его зеленые глаза впитывают каждую деталь. «Вопрос в том, почему ты можешь это делать? И, что еще важнее...» Он наклоняется ко мне, и я задерживаю дыхание. «Почему ты так стараешься привлечь наше внимание?»

Потому что я так и делаю. Он прав. В течение трех месяцев я намеренно вызывала эхо в местах, которые, как я знаю, находятся под наблюдением, оставляя след сверхъестественных крошек. Все это привело к этому моменту.

«Мне нужна помощь», — говорю я, и это правда. «Видения становятся все сильнее. Я не могу их контролировать».

«Чушь». Слово произнесено непринужденно, почти дружелюбно. «То видение, которое ты только что видел? Ты сам его вызвал. Я чувствую твоё намерение».

Чувствуешь? Кто так говорит?

«Я не знаю, о чем ты говоришь».

Он двигается так быстро, что я не успеваю среагировать. В одну секунду он находится в полуметре от меня, а в следующую его рука уже под моим подбородком, поднимая мое лицо к его лицу. Его большой палец касается моей скулы, и по моему позвоночнику пробегает электрический разряд.

«Соври мне еще раз, — говорит он мягко, — и я оставлю тебя здесь, чтобы тебя нашли духи. Девушка, которая прыгнула? Она не единственный голодный призрак, привязанный к этому месту. А ты как неоновая вывеска с надписью «съешь меня».

Я должна быть напугана. Я напугана. Но есть еще что-то, что заставляет мое сердце биться быстрее по причинам, не имеющим ничего общего со страхом.

«Хорошо», — шепчу я. «Я искала Бюро. Доволен?»

«Почему?»

Правда лежит на языке, как яд: потому что семь лет назад мой отец работал на вас. Потому что он умер в туннеле московского метро, которого официально не существует. Потому что в последний раз, когда я его видела, он поцеловал меня в лоб и сказал: «Я все исправлю, маленькая птичка». А потом он так и не вернулся домой.

Но я не могу этого сказать. Пока нет. Поэтому я говорю ему другую правду, менее значимую.

«Потому что я умираю».

Его рука опускается. «Что?»

«Эхо. Это уже не просто видения. Каждое из них забирает у меня что-то. Смотри». Я закатываю рукав и показываю ему свою руку. Вены проступают через слишком бледную кожу, и на ней видны слабые ветвистые узоры, похожие на шрамы от молнии, распространяющиеся от запястья до локтя. «Началось год назад. Распространяется. Врачи не могут это объяснить, но я знаю, что это такое. Эхо сжигает меня изнутри».

Он хватает меня за запястье, и на этот раз его прикосновение нежное, клиническое. Но я все еще чувствую эту искру, это признание чего-то другого.

«Сколько времени?» Его голос стал ровным.

«Шесть месяцев. Может, меньше».

«И ты думаешь, мы сможем тебя вылечить?»

«Я думаю, ты мой единственный шанс».

Мы стоим на снегу, его рука все еще на моем запястье, и между нами проходит что-то. Понимание, может быть. Или признание одного сломанного существа другим.

«Садись в машину», — наконец говорит он, отпуская мою руку.

«Что?»

Он уже идет к черному Mercedes G-Class, припаркованному с нарушением правил на углу. «Хочешь, чтобы мы тебе помогли? Хорошо. Но ты должен поступить по-нашему. Это значит, что ты пойдешь с нами, пройдешь оценку, и, если тебе повезет, мы не забросим тебя в изолятор за угрозу общественной безопасности».

Я следую за ним, потому что что еще мне остается делать? Это то, чего я хотел. Доступ к Бюро. Ответы. Может быть, даже помощь.

Но когда я сажусь на пассажирское сиденье, я замечаю, как он смотрит на меня в отражении окна, и его выражение лица заставляет мой желудок скрутиться. Это не подозрение — это узнавание. Как будто он точно знает, кто я такой.

Как будто он знает, что я лгу.

В машине пахнет кожей и чем-то металлическим — порохом, может быть, или кровью. В дверной панели едва заметно торчит нож. Такой нож, который предназначен для тех, кто не умирает легко.

«Пристегни ремень», — говорит он, выезжая на дорогу с непринужденной агрессией человека, который ни разу в жизни не получал штраф.

Я пристегиваюсь. «Куда мы едем?»

«В Замоскворечье. Официально — в Институт культурной антропологии».

«А неофициально?»

Он бросает на меня взгляд, и на секунду мне кажется, что его глаза сверкнули золотом. «Неофициально — это место, где мы держим монстров».

«Ты имеешь в виду духов».

«Нет», — тихо отвечает он. «Я имею в виду нас».

После этого в машине воцаряется тишина. За окнами проносится Москва — вечные стройки на Садовом кольце, архитектура сталинских башен, похожая на свадебные торты, сверкающие новые бизнес-центры, построенные на старых руинах. Это город слоев, каждая эпоха строится на фундаменте предыдущей, ничего не исчезает навсегда.

Как призраки, думаю я. Как воспоминания. Как горе.

Макс (когда я начала думать о нем как о Максе?) ведет машину как человек, знающий все короткие пути, поворачивая там, где поворачивать не должно быть, используя полосы, которые появляются только для него. Мы проезжаем по тихим улицам Замоскворечья, с модными галереями и скрытыми церквями, прежде чем остановиться у здания, которое выглядит так, будто о нем забыли и время, и архитекторы.

Четыре этажа советского бетона, здание, которое вызывает депрессию, когда на него смотришь. На небольшой вывеске написано «Институт культурной антропологии» буквами, которые когда-то, возможно, были золотыми, а теперь просто поблекли до коричневого цвета.

«Это оно?» Я не могу скрыть своего разочарования.

«А что ты ожидала? Стелянную башню с неоновой надписью «Секретная полиция»?

«Может, что-то менее... мертвое».

Он действительно улыбается, и это полностью преображает его лицо. На мгновение он выглядит молодым, может быть, даже добрым.

«Лучшая маскировка в мире — это быть слишком скучным, чтобы тебя заметили». Он выходит, обходит машину и открывает мне дверь, прежде чем я успеваю сделать это сам. «Кроме того, все интересное находится под землей».

«Конечно».

Вестибюль выглядит так же удручающе, как и внешний вид здания — потолочные плитки с пятнами от воды, пластиковое растение, которое каким-то образом умирает, несмотря на то, что оно искусственное, и стойка охраны, за которой сидит человек, похожий на разочаровывающего племянника любой бабушки.

«Добрый вечер, Лесков», — говорит охранник, не отрываясь от кроссворда. «Новый сотрудник?»

«Оценка», — поправляет его Макс. «Скажите Марине, что нам нужно провести проверку».

Ручка охранника останавливается. Он впервые поднимает на меня глаза, и его глаза молочно-белые, как катаракта, но я знаю, что он меня видит. Видит насквозь.

«Она умная», — тихо говорит он. «Очень умная. И сломленная. Как церковное окно, которое вот-вот разбьется».

«Спасибо, Павел. Очень успокаивает».

Мы идем к лифту, который старше, чем была бы моя бабушка. Макс достает старинный ключ, такой, с зубцами, как в сказке, и вставляет его в замок, которого не должно быть в лифте советских времен.

Спуск длится дольше, чем должен. Намного дольше.

«Как глубоко?» — спрашиваю я.

«Сорок метров. Раньше это было бомбоубежище. Сталин был параноиком по поводу многих вещей, но, как оказалось, некоторые из них были реальны».

Лифт с дрожью останавливается, и двери открываются, открывая невозможное.

Пространство огромное, высеченное из живой скалы и укрепленное стальными балками, толстыми как деревья. Но то, что находится ВНУТРИ этого пространства, заставляет меня затаить дыхание.

Стены покрыты экранами, на которых показана Москва с ракурсов, которые я никогда не видел — не только улицы, но и энергетические паттерны, текущие по городу как реки света. Некоторые области пульсируют красным, другие — зеленым, а некоторые — глубоким фиолетовым, на который больно смотреть напрямую.

В центре комнаты в пол высечены круги, заполненные символами, которые заставляют мое эхо проснуться и обратить внимание. Один круг содержит нечто похожее на клетку из света, а внутри чего-то шагает, что-то, что постоянно меняется между волком, тенью и человеком.

Люди целеустремленно перемещаются по помещению — женщина с руками, покрытыми светящимися татуировками, молодой парень, чьи пальцы двигаются слишком быстро, чтобы быть полностью человеческими, когда он печатает, пожилой мужчина в лабораторном халате, вскрывающий что-то, что определенно не из анатомического учебника.

«Добро пожаловать в Бюро, — говорит Макс. — Постарайтесь не умереть в первый же день».

Женщина с татуировками поднимает глаза от того, чем она занимается, — похоже, это банка с зубами.

«Свежее мясо?» — спрашивает она, но в ее голосе нет злобы.

«Возможно. Марина, познакомься с Кирой Волковой. Кира, Марина занимается нашими ритуалами и содержанием».

Марина сужает глаза. «Волкова? Как в...»

«Да», — перебивает ее Макс, и в комнате внезапно становится холоднее. «Об этом поговорим позже».

Как в чем? Что в моем имени заставляет всех замолчать?

Но прежде чем я успеваю спросить, раздается крик. Не человеческий, не животный, а что-то среднее. Все экраны одновременно мигают красным.

«Нарушение», — говорит парень за клавиатурой, его руки летают еще быстрее. «Сущность уровня 3 проявляется в...» Он останавливается. Бледнеет. «О, черт. Тверской бульвар. Кафе Пушкин».

Там, где мы только что были. Где я вызвала эхо.

Макс уже движется. «Марина, протокол изоляции. Данила, дай мне изображение. Профессор...»

«Я подготовлю медицинскую помощь», — говорит пожилой мужчина, уже вытаскивая принадлежности из шкафа, которого секунду назад еще не было.

«Что происходит?» — требую я.

Макс поворачивается ко мне, и его глаза теперь определенно золотые, нечеловеческие, красивые и ужасающие.

«Тот дух, с которым ты вступила в контакт? Он последовал за тобой. И теперь он проявляется в физическом мире». Он хватает меня за руку, и его кожа обжигает. «Поздравляю, Волькова. Ты только что вызвала свою первую сверхъестественную катастрофу».

На экранах я вижу, как люди бегут из кафе «Пушкин», а окна взрываются в невозможных узорах. И в центре хаоса — тень в дизайнерском платье, смеющаяся, когда она тянет других в свое бесконечное падение.

«Я могу остановить ее», — слышу я свой голос.

Все останавливаются. Смотрят.

«Что?» — без выражения говорит Марина.

«Я могу ее остановить. Она говорила со мной. Она послушает».

«Так не бывает», — говорит Макс. «Духи не слушают. Они жаждут».

«Эта послушает». Я смотрю ему в глаза, золотисто-серые. «Потому что я знаю, чего она действительно хочет».

«А чего?»

«Того же, чего хочу я. Того же, чего хотят все».

Я думаю о папе, о его последнем поцелуе, о семи годах молчания.

«Кого-то, кто поймет боль».

Макс долго смотрит на меня. Затем он принимает решение, которое меняет все.

«Принеси ей полевой набор, — говорит он Марине. — Мы возвращаемся».

«Макс, ты же не серьезно...»

«Она это вызвала. Может, она и закончит». Он смотрит на меня, и в его взгляде есть что-то, чего я не могу понять. «Кроме того, если она ошибается, мы узнаем, что она не подходит для Бюро».

«А если она права?»

Его улыбка острая, как зима. «Тогда у нас будут более серьезные проблемы. Потому что люди, которые могут заключать сделки с духами? Они обычно не остаются людьми надолго».

Пока Марина спешит за оборудованием, а на экранах показывают еще больше хаоса, я чувствую, как что-то меняется во мне. Не эхо — что-то другое. Что-то, что спало с тех пор, как умер папа, ожидая этого момента.

Макс наклоняется ко мне, его горячее дыхание касается моего уха.

«Я знаю, кто ты», — шепчет он так тихо, что слышу только я. «Вопрос в том: а ты знаешь?»

Не давая мне ответить, он тянет меня к лифту, к поверхности, к ярости мертвой девушки и моему первому настоящему испытанию.

Но его слова эхом звучат в моей голове, смешиваясь с воспоминанием, которое я пыталась забыть. Голос отца в последнюю ночь, когда я его видела:

«Некоторые дары пропускают поколение, пташка. Твоя бабушка могла с ними разговаривать. Твоя мать не могла. Но ты... ты будешь чем-то особенным. Чем-то опасным. И когда они придут за тобой — а они придут — помни: Бюро не спасает таких, как мы. Мы для них инструменты. Ничего больше».

Лифт поднимается, и я задаюсь вопросом, знает ли Макс правду. Знает ли кто-нибудь из них.

Меня зовут Кира Волкова, и мой отец не умер в том туннеле.

Он стал чем-то другим.

И теперь, семь лет спустя, я наконец-то узнаю, чем именно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.